

doi: 10.32612/luw.2543618X.2021.pp.169-206

Przegląd Środkowo-Wschodni, 6, 2021

ISSN 2543-618X eISSN 2545-1324

Nr art. 20210609

Data przesłania: 18.05.2021

Data akceptacji: 26.06.2021

Сергей Шабельцев

Европейский гуманитарный университет

sab.sergej.by@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4807-1815

Русские белоэмигранты в Аргентине: „от монархии к сталинизму” (1930–1940 гг.)

Biali emigranci rosyjscy w Argentynie: „od monarchii do stalinizmu” (1930–1940)

Artykuł pokazuje ewolucję poglądów „białych” emigrantów w Argentynie wobec Związku Radzieckiego w latach 1930–1940. Autor opisuje charakterystyczny rozłam w postrzeganiu przedwojennego ZSRR, który wynikał z jednej strony z odrzucenia reżimu komunistycznego, z drugiej zaś z patriotycznego stosunku do ojczyzny. Główna treść opracowania poświęcona jest okresowi II wojny światowej, kiedy część Rosjan w Argentynie nawiązała współpracę z agentami ZSRR. Sam fakt udziału w akcjach prosowieckich świadczył o poparciu tych „białych” emigrantów dla polityki zagranicznej ZSRR, którego uosobieniem był Józef Stalin. Potwierdza się pomysł, że Rosjanie w Argentynie znaleźli się w pozycji zależnej od Kremla, co doprowadziło do tego, że komuniści wykorzystali ich we własnym interesie. Autor doszedł do wniosku, że kontakty niektórych «białych» emigrantów z ZSRR doprowadziły ich do rozczarowania i tragedii: jedni poczuli się wyrzutkami w środowisku rosyjskim, zaś inni z powodów ideologicznych nie mogli stać się «swoimi» dla sowieckich dyplomatów oraz prokomunistycznych Białorusinów i Ukraińców.

Słowa kluczowe: Rosjanie w Argentynie, organizacje prosowieckie w Buenos Aires, II wojna światowa, ruch słowiański, kult jednostki Stalina, propaganda sowiecka

Октябрьская революция 1917 г. и победа большевиков в гражданской войне на территории бывшей Российской империи обусловили массовую эмиграцию различных сторонников „белых”. Правительство Советского Союза пристально следило за белоэмигрантами, рассматривая их, в первую очередь, как своих противников. Только во время Второй мировой войны кремлевское руководство пошло на сотрудничество с частью соотечественников за рубежом и использовало их как дополнительный фактор влияния при решении своих внешнеполитических задач. При этом московские агенты играли на патриотических чувствах белоэмигрантов или на чувстве вины (уехали – значит, предали). Часть русских соотечественников солидаризировалась с „большой родиной”, сражавшейся против гитлеровской Германии, включалась в многочисленные объединения культурного характера, привлекалась к участию в просоветских мероприятиях. Сотрудничество с представителями СССР повлияло, в частности, в Аргентине на изменение политических взглядов некоторых белоэмигрантов.

Просоветским русским эмигрантам в Аргентине уделено незначительное место в научных исследованиях. Российский историк Марина Мосейкина фрагментарно затрагивает деятельность аргентинских белоэмигрантов в своих работах, которые касаются обще-латиноамериканской тематики¹. В таких широких географических и хронологических рамках исследований проблемы арген-

¹ М.Н. Мосейкина, „Оборонцы» и «пораженцы”: проблема нравственного выбора русской эмиграции в Латинской Америке в годы Второй мировой войны, „Латинская Америка” 2011, № 8, с. 69–80.

М.Н. Мосейкина, Печать и издательское дело русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1940–1970-е гг., „Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал” 2011, № 6 (12), ч. 2, с. 132–138.

М.Н. Мосейкина, Деятельность советских антифашистских комитетов по укреплению солидарности и связей с народами Латинской Америки в 1941–1956 гг., Москва 1986, 221 с.

тинских белоэмигрантов, симпатизировавших СССР, затрагиваются незначительно и недостаточно подробно. Только упоминал белоэмигрантов и советский историк Анатолий Руденко², который в приложении к своей диссертации разместил рассказы белорусов и украинцев, которые осуждали белоэмигрантов в Аргентине. В то же время, существуют источники, позволяющие изучить данную тему: воспоминания как белоэмигрантов³, так и белорусов⁴, которые с ними сотрудничали; русскоязычная периодическая печать („Русский в Аргентине”, „Новая газета”, „Звено”, „Наша страна”). При использовании этих газет и журналов подспорьем для историка является часто цитируемое публицистическое обозрение Марии Кублицкой, посвященное русской печати в Аргентине⁵.

„Беженцы Октября” для новой жизни редко выбирали южное полушарие: в 1925 г. настоятель православного храма в Буэнос-Айресе Константин Изразцов считал, что здесь русских „найдется не больше сотни”⁶. Журналист Константин Парчевский, совершивший в 1935 г. поездку в Южную Америку, утверждал, что в Буэнос-Айресе находилось около 500 белоэмигрантов.⁷ Павел Шостаковский, приехав в столицу Аргентины в 1937 г., зафиксировал малочисленность и разобщенность местных русских. С одной стороны, „существовали отдельные мелкобуржуазные группы, занимавшиеся различного рода ремеслами [...] Для «бывших» интеллигентов это

² А.В. Руденко, *Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.)*, Москва 1975, 171 с.

³ П.П. Шостаковский, *Путь к правде*, Минск 1960, 356 с.

⁴ С.В. Шабельцаў, *Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930–1960-я гг.) Зборнік дакументаў і ўспамінаў*, Мінск 2009, 368 с.

⁵ М.А. Кублицкая, *Русская периодическая печать в Аргентине в XX веке*, „Кадецкая переключка” 2007, nr 78, с. 136–180.

⁶ Государственный архив Российской Федерации. Фонд Р5826 (Русский общевойсковой союз (РОВС)). Оп. 1. Д. 123/5. Л. 211.

⁷ К.К. Парчевский, *В Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки*, Париж 1936, с. 234.

была слишком «серая» публика, она стесняла «господ»⁸. С другой стороны, были высокообразованные интеллигенты, среди которых П. Шостаковский называет „аргентинскую секцию партии младороссов” с председателем князем Юрием Волконским и лозунгом „Советы с царем во главе!”⁹ Существовал также „Русский Кружок”, устраивавший лекции на неполитические темы и состоявший из не более двух десятков человек; и выходила еженедельная газета „Русский в Аргентине”⁸. То есть, белоэмигранты на берегах Ла-Платы не создали ни одной сколь-нибудь заметной русской организации, а своеобразным связующим звеном („осведомленным о русской жизни в Аргентине центром”⁹) для всех был „Русский в Аргентине”.

Судя по публикациям, эта газета стремилась к объективности, занимала взвешенную позицию по отношению к СССР. Источником информации о происходящем на родине выступали периодика (как советская, так и зарубежная) и официальные сообщения представителей советской власти. Заметно, что „Русский в Аргентине” анализировал общественно-политическое развитие в СССР, отталкиваясь от того, что было в дореволюционной России. Так, в газете явно положительными выглядят мероприятия советской власти по защите русского языка в союзных и автономных республиках¹⁰, что, вероятно, расценивалось как продолжение прежней имперской политики. С другой стороны, описывая состояние православной церкви (важного государственно-общественного института в дореволюционной России), „Русский в Аргентине” рисовал картины страданий и гонений – „Г.П.У. громит религию”¹¹. В то же время, газета с симпатией относилась к внешнеполитическому могуществу СССР: „На Россию, даже искалеченную режимом, смотрит сейчас весь мир...”¹².

⁸ П.П. Шостаковский, *Путь к правде*, с. 304–307.

⁹ К.К. Парчевский, *В Парагвай и Аргентину*, с. 234.

¹⁰ *Защита русского языка*, „Русский в Аргентине” 1938, 19 февраля, с. 3.

¹¹ *Г.П.У. громит религию*, „Русский в Аргентине” 1938, 15 января, с. 1.

¹² М. Пик, *Еще молчит Россия*, „Русский в Аргентине” 1938, 2 апреля, с. 2.

Обращает на себя внимание тема, которой „Русский в Аргентине» уделял пристальное внимание. Это тема преемственности Советского Союза по отношению к Российской империи. Сообщения об СССР „Русский в Аргентине» размещал в рубрике под названием „Сов. Россия». Но на страницах газеты звучали разные мнения: один из авторов – В. Каррик – утверждал, что „Россия – страна очень крепкая, очень богатая и материально, и духовно», но в ней творит безобразия и уродство партия Ленина, Троцкого, Сталина. „Это – СССР, а не Россия”¹³. Оппонировала В. Каррику Галина Толмачева: „Россию сегодняшнюю, ту самую, на которой растет Россия завтрашняя, они не признают за «свою» Россию, больше того – не признают за Россию вообще, негодуют, когда ее называют Россией, ничем не отличаясь в этом от большевиков, наименовавших ее СССР”¹⁴. По мнению Г. Толмачевой, русские люди должны служить своей родине, нации, ставя ее интересы превыше всего, несмотря на то, разделяет нация их взгляды или нет.

Эта раздвоенность – непринятие коммунистического режима и любовь к родине, своему народу – прослеживается во многих публикациях „Русского в Аргентине». Например, статья „Державы, Россия и эмиграция» от 12 февраля 1938 г. посвящена выступлению генерала Антона Деникина в Париже. В докладе А. Деникина разделяются понятия „Россия» и „Советская власть»: для России сложившаяся международная обстановка неблагоприятна, а большевики заключают союзы с демократическими государствами, которые могут попасть в „щекотливое положение – в случае войны и мобилизации Красная Армия превратится, фактически, в вооруженный народ, который может свергнуть советскую власть. Что останется тогда от устроителей пактов?”¹⁵ С другой стороны, „тоталитарные государства, недавно объединившиеся на почве общей

¹³ В. Каррик, *Россия и СССР*, „Русский в Аргентине» 1938, 19 марта, с. 3.

¹⁴ Г. Толмачева, *Русскость*, „Русский в Аргентине» 1938, 2 апреля, с. 2.

¹⁵ *Державы, Россия и эмиграция*, „Русский в Аргентине» 1938, 12 февраля, с. 3.

борьбы с коммунизмом”, только на словах спасают европейскую цивилизацию и борются против большевизма: Германия и Италия установили дипломатические и торговые отношения с СССР. Только Япония ведет себя агрессивно, но ее экспансия „грозит стране, ослабленной 20-ти летним пребыванием у власти большевиков”¹⁶.

„Русский в Аргентине” издавался в 1930–1947 гг. и не имел в стране конкурирующего с ним белоэмигрантского печатного издания. Однако, в 1936–1940 гг. в Буэнос-Айресе на русском языке выходила просоветская „Новая Газета», которую создали белорусы, переселившиеся из II Речи Посполитой. Поскольку эти русскоязычные газеты были идеологически разные, между ними завязалась оживленная полемика, в ходе которой рельефно проявились политические взгляды обеих сторон.

„Русский в Аргентине” утверждал, что „Новая Газета” „подсовывает своим немногочисленным читателям отжившие идеи коммунизма, времен Троцкого”,¹⁷ упрекал оппонентов в том, что в тревожное время 1939 г. они призывают своих читателей пополнить ряды иностранных армий: „У всех еще жива в памяти их пропаганда в пользу Испании [...] В данный момент „Новая Газета” проводит новую, доходную для себя компанию. Целые статьи она посвящает призывам жертвовать „одно, десять, сто песо, – сколько каждый может” в пользу ... **польской армии!** Очевидно, „демократичность” „Новой Газеты” вполне вяжется с фашизмом польских панов”¹⁸.

Белорусы из „Новой Газеты” особо не скрывали свои коммунистические взгляды, хотя и отвергали обвинения в троцкизме¹⁹. Не было спора и в вопросе о симпатиях к республиканцам в Испании – газета даже опубликовала список белорусов и украинцев, кото-

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ *Как дурачат темных людей*, „Русский в Аргентине” 1939, 19 августа, с. 7.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ М. Костах, *Нас не проведете*, „Новая Газета” 1939, 29 октября, с. 3.

рые из Аргентины отправились на Иберийский полуостров и там погибли²⁰. В свою очередь, авторы „Новой Газеты” упрекали белоэмигрантов в показной аполитичности, архаичных симпатиях к Российской империи:

„Знаем мы вашу «аполитичность», не по словам, а по делам”²¹,

„Почему издатель «Р. в А.» не хочет оставить твердого знака и буквы „ять”? Потому, что он не признает новой России. А как называются все те русские, которые выступают против России? Белогвардейцы”²².

„В царской России когда-то эти господа украинцев называли малороссами, а про белорусов даже совсем не упоминали. Белорусы были вычеркнуты из истории. Эти господа тогда старались русифицировать украинское и белорусское население, а теперь свою «культуру» хотят в массы проводить. Поздно вы, господа, обдумались учить белорусов”²³.

Таким образом, в Буэнос-Айресе наблюдалась ситуация противостояния: с одной стороны, были тысячи просоветски настроенных белорусов, многие из которых являлись коммунистически ангажированными интернационалистами, читающими в „Новой Газете” перепечатанные советские статьи и материалы. С другой – в Аргентине жили несколько сотен белоэмигрантов-империалистов (заголовок одной из статей в „Русском в Аргентине” звучал: „Имперский путь – историческая судьба России”)²⁴. Имперцы отвергали коммунистическую идеологию, но спорили между собой: называть СССР „Советской Россией”, или так его и называть – „СССР”? Ответ на этот вопрос во многом предreshал позицию белоэмигранта

²⁰ Павшие борцы за свободу, „Новая Газета” 1939, 29 октября, с. 3.

²¹ М. Костах, *Нас не проведете*, „Новая Газета” 1939, 29 октября, с. 3.

²² Р. Сыцевич, *Пусть „барабанят” сами для себя*, „Новая Газета” 1939, 29 октября, с. 3.

²³ В. Шишка, *Крокодиловы слезы*, „Новая Газета” 1939, 29 октября, с. 2.

²⁴ *Имперский путь – историческая судьба России*, „Русский в Аргентине” 1939, 19 августа, с. 2.

в ходе будущего военного конфликта в Европе: одни признавали СССР своей родиной и считали, что ее нужно защищать („оборонцы”), а другие желали поражения коммунистическому режиму („пораженцы”).

Начало Второй мировой войны стало катализатором общественной активности в Аргентине как белорусов, так и белоэмигрантов. В сентябре 1939 г. СССР оккупировал восточные воеводства Польши (Западную Беларусь и Западную Украину), а затем присоединил эти земли к своей территории. Белорусы и белоэмигранты оценили данные события положительно: первые считали, что произошло воссоединение белорусского народа, а вторые, что „Россия” возвращает ранее утраченные земли. В ходе разворачивающегося мирового конфликта „Русский в Аргентине” занял позицию поддержки СССР. Во время советско-финской войны, например, газета разместила статью „Против Советов или против России?” в которой утверждалось, что „финляндский конфликт” не более чем эпизод в вековой борьбе России за выход к морю и что Финляндия (подстрекаемая Англией) не находилась бы на краю гибели, если бы пошла на удовлетворение требований Москвы. „Любая Россия, красная или белая, национальная или интернациональная, будет бороться за выход в море. Желать России возвращения жизненно ей необходимых портов вовсе не значит поддерживать 3-й Интернационал и объединиться с большевиками. [...] А потому каждый из нас должен желать возвращения финских стратегических портов, каковы бы ни были руки, исполняющие это нужное для России дело”²⁵.

Корректировка содержания и изменение тональности публикаций в „Русском в Аргентине” не остались незамеченными: просоветская газета украинцев „Світло” отметила, что белоэмигрантский печатный орган стал восхвалять „российский” народ, но атаковать только коммунистическую партию. Газета даже иногда про компар-

²⁵ И. Днепров, *Против Советов или против России?*, „Русский в Аргентине” 1940, 10 февраля, с. 2.

тию могла сказать что-то хорошее, но образ Сталина оставался негативным. Такая эволюция „Русского в Аргентине” содействовала росту его подписчиков из среды белорусов и украинцев.²⁶

Сближению части белоэмигрантов и просоветских эмигрантов, как ни странно, содействовала и политика аргентинских властей, которые боролись против распространения коммунизма. Из-за постоянных преследований часть активистов-белорусов стала отказываться от пропаганды среди аргентинцев коммунистических идей, а также сопротивляться вмешательству коммунистов в деятельность белорусских организаций. Из-за разгоревшихся споров в белорусской среде, предположительно, в начале 1941 г. „Новая Газета” была закрыта.

Кардинальные изменения поведения белоэмигрантов произошли после нападения нацистской Германии на Советских Союз. День 22 июня 1941 г. болью отозвался в сердце каждого „оборонца”: „Семья наша, ошеломленная первыми скудными известиями аргентинского радио о вторжении фашистов в Советский Союз, сидела у радиоприемника, и каждый старался доказать друг другу, что «этого быть не могло». Но уже к концу дня не оставалось сомнений и стали ясны размеры обрушившегося на Родину огромного испытания”²⁷. В Буэнос-Айресе появилось Общество помощи русским пострадавшим от войны, под председательством бывшего офицера Лейб-гвардии Семеновского полка Михаила Нечаева²⁸.

Но часть белоэмигрантов осталась на прежних позициях неприязни СССР. Заметным „пораженцем” являлся К. Изразцов, настоятель православного храма Св. Троицы в Буэнос-Айресе, интервью с которым местная немецкая газета озаглавила: „С европейскими войсками возвращается Крест в Россию”²⁹. Такое поведение К. Из-

²⁶ М.Р., „Українська Газета” – „Невтральна”, „Світло” 1946, 11 січня, с. 5.

²⁷ П.П. Шостаковский, *Путь к правде*, с. 328–329.

²⁸ *Русский Центр помощи родине*, „Звено” 1945, nr 6–7, с. 40.

²⁹ *Con los Ejércitos de Europa, Retorna la Cruz a Rusia, Dice Mons. Izrastoff*, „Deutsche la plata zeitung” 1941, 2 de noviembre.

разцова испортило его отношения с паствой, поскольку многие прихожане храма безоговорочно поддержали СССР. Даже спустя много лет они помнили об антисоветских молебнах во время войны: „Глава русской православной церкви^{30*} К. Изразцов в своих проповедях проклинал Советских Союз и молился за победу Германии”³¹.

В новых обстоятельствах на почве поддержки СССР белоэмигранты-”оборонцы” объединились с просоветскими белорусами. Вместо закрытой „Новой Газеты” белорусы открыли газету „Эхо”, редактор которой вспоминал: „В издании этой газеты принимали участие и русские иммигранты, порвавшие с реакционной русской эмиграцией. Я был редактором этой газеты. В ней печатались материалы об успехах Советской Армии, отчеты комитетов помощи СССР и многие другие прогрессивные материалы”³². Русские эмигранты стали появляться и в белорусских просоветских организациях – но только не в качестве постоянных членов, а как приглашенные руководители кружков (танцевальных, театральных, по изучению русского языка)³³.

Изменения произошли и в „Русском в Аргентине”: М. Мосейкина утверждает, что в течение войны газета настолько изменилась, что на ее первой странице появился портрет Сталина³⁴. Прежний редактор „Русского в Аргентине” Георгий Киселевский, защищая свою репутацию в 1950 г., пояснял: пока он „оставался редактором этой газеты – она носила ярко выраженный белый характер. И лишь после того, как издатель газеты дал в нее доступ представителям младоросской партии и когда, в связи с этим, Г.М. Киселевский оставил пост редактора, газета постепенно перешла на советские рельсы”³⁵.

^{30*} Имеется ввиду Русская Православная Церковь за рубежом.

³¹ А.В. Руденко, *Общественно-политическая ...*, с. 151.

³² *Ibidem*, с. 155.

³³ С.В. Шабельцаў, *Беларусы ў Аргенціне...*, с. 207.

³⁴ М.Н. Мосейкина, *Печать и издательское дело ...*, с. 133.

³⁵ *Письмо Г.М. Киселевского, „Наша страна” 1950, 8 июля, с. 8.*

Место редактора „Русского в Аргентине” заняла Г. Толмачева, которая считала, как уже говорилось выше, что русские люди должны служить своей нации, ставя ее интересы превыше всего. Очевидно, белоэмигранты-”оборонцы” после 22 июня 1941 г. находились в режиме героического существования: как люди, кровно связанные с русской землей, они осознали свою причастность к трагическим событиям на родине. В это напряженное время они признали приоритет национального целого, которое по форме было советским, в ущерб своим личным идеалам. Поэтому не вызывает удивления факт нахождения портрета Сталина на первой странице „Русского в Аргентине”: московский вождь в глазах „оборонцев” виделся как национальный лидер, который вернулся к историческим русским символам (в армии ввел погоны, присвоил военным орденам имена великих русских полководцев, в некоторой степени реабилитировал православную церковь).

Показательной стала публикация в 1945 г. издательством газеты „Русский в Аргентине” книги „Наши великие предки” советского писателя К. Осипова. В ней приводятся биографии Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова. Книга пропитана русским патриотическим духом, в ней, практически, отсутствует коммунистическая пропаганда (только пару незначительных цитат из Карла Маркса). На последней странице делается обобщенный вывод о величии и непобедимости русского народа, а шесть приведенных имен „горят немеркнущим светом”: „В этих людях с предельной полнотой отразились национальные черты, искони присущие русским людям: гордое мужество, отвага, стойкость, беззаветная любовь к родине – те черты, которые не раз приносили победу нашему народу и которые принесли ему и теперь в великой борьбе против фашистских захватчиков, ведшейся под водительством мудрого Сталина”³⁶. То есть, Сталин в этом ряду выглядит

³⁶ К. Осипов, *Наши великие предки*, Буэнос-Айрес 1945, с. 64.

как один из символических лиц тысячелетней России, которая испокон веков сопротивлялась завоевателям.

Следует признать, что Кремль довольно успешно использовал белоэмигрантов в своих целях. Русские в Южной Америке не только слушали советское радио, распространяли полученную информацию и собирали помощь для СССР. Белоэмигранты приняли деятельное участие в славянском движении, которое было инициировано советским руководством с целью получения большей поддержки на международной арене. Во время войны в Москве отказались от открытой пропаганды, основанной на коммунистической риторике, и обратились к популярной идее славянского единства. 10–11 августа 1941 г. в Москве состоялся Всеславянский митинг, в ходе которого говорилось о стремлении видеть славянские народы свободно развивающимися в рамках своей государственности. Было принято обращение ко всем славянским народам с призывом объединиться в борьбе против немецкого фашизма. 5 октября 1941 г. в Москве был учрежден Всеславянский комитет, состоявший из президиума и шести секций, в том числе и русской, которую возглавил бывший эмигрант писатель Алексей Толстой.

Комитет за единство славян в Аргентине (Славянский комитет) впервые упоминается в январе 1942 г. Он был образован в Буэнос-Айресе, и в него вошли украинские, белорусские, польские, чехословацкие, болгарские и югославские организации. Комитет одобрил принципы, выдвинутые на состоявшемся в августе 1941 г. в Москве Всеславянском митинге³⁷. Примечательно, что в Комитете за единство славян не было русской организации, но его руководителем был белоэмигрант Дмитрий Григорьев, который „получил известность как автор ряда демагогических статей, печатавшихся в „Русском в Аргентине” под заглавием „Гей, сла-

³⁷ *Сообщение о движении солидарности с СССР в Аргентине*, Международная солидарность трудящихся, Москва 1962, с. 394.

вяне!»³⁸. Однако, участникам славянского движения вскоре стало известно, что Д. Григорьев некоторое время работал переводчиком в Отделе по борьбе с коммунизмом аргентинской полиции. После этого Комитет за единство славян в Аргентине возглавил князь Ю. Волконский. На 14 августа 1942 г. планировался созыв Славянского конгресса в Буэнос-Айресе, однако полиция из-за коммунистического характера славянского движения отозвала свое разрешение на проведение конгресса.

Первый Латино-Американский Славянский конгресс 23–25 апреля 1943 года прошел в столице Уругвая – г. Монтевидео. Всеславянский комитет в Москве участвовал в подготовке данного мероприятия: „разослал славянским газетам Латинской Америки статьи и материалы по вопросам славянского единства, развернутый отчет о работе IV-го пленума Комитета, где был изложен примерный проект его программы, а также ряд программ руководителям славянских организаций и газет”³⁹. На конгрессе была озвучена приветственная телеграмма от Всеславянского комитета в Москве, и направлена ответная телеграмма в адрес его председателя. Среди выступавших на славянском форуме в Монтевидео встречается уже не раз упоминавшаяся Г. Толмачева, которая являлась членом организационной комиссии⁴⁰.

Просоветская ориентация части белоэмигрантов во время Второй мировой войны имела важные последствия. Во-первых, были установлены прямые контакты между ними и советскими организациями (Всеславянским комитетом, Советским Красным Крестом и др.). Во-вторых, в этом взаимодействии „оборонцы” заняли не равноправное, а подчиненное положение. Что будет опубликовано о ситуации в СССР и действиях на фронтах решали в Москве: русская секция Всеславянского комитета готовила материалы для га-

³⁸ П.П. Шостаковский, *Путь к правде*, с. 339.

³⁹ М.Н. Мосейкина, *Деятельность советских антифашистских комитетов...*, с. 114–115.

⁴⁰ *Primer Congreso Esclavo Latino-Americano*, Buenos Aires 1943, p. 11.

зет „Русский в Аргентине” и „Эхо”⁴¹. Кто будет возглавлять Славянский комитет в Аргентине, тоже решали местные коммунисты, получавшие установки из Советского Союза.

Негласное руководство движения славян прослеживается на примере того, как подбирали людей на официально высшие должности. После князя Ю. Волконского Славянский комитет в Аргентине возглавил белоэмигрант П. Шостаковский, который проявил себя в Буэнос-Айресе как радетель за победу над Германией, но который, по его словам, до ноября 1943 г. ничего не знал о славянском движении. Только в конце ноября 1943 г. к нему домой пришел незнакомец, назвавшийся Карпиевичем, и заявил, что к П. Шостаковскому „давно присматривались”, и предложил ему возглавить славянское объединение. На вопрос: „от чьего имени вы мне предлагаете такую честь?”, Карпиевич ответил туманно: „Пришел я именно от тех, которых вы не знаете, но которые знают вас. Мы считаем, вам будет нетрудно научиться работать в общественном деле. А что такое Славянское объединение – вы быстро разберетесь”⁴². О том, что негласные руководители являлись коммунистами, свидетельствуют: подбор кадров (Д. Григорьева сняли из-за его неприятия коммунистами), распространение коммунистической пропаганды на акциях славян и их прямые обвинения в коммунистическом характере работы со стороны аргентинских властей.

Закулисное руководство славянского движения приглашало подходящих людей от славянских групп на свои мероприятия, что исключало для них всякие дискуссии. Вот описание П. Шостаковского I-го славянского конгресса Аргентины (1 декабря 1943 г.), прошедшего в чехословацком обществе „Сокол” (Буэнос-Айрес): „Сплошь рабочие. Симпатичные, открытые лица. Выражение у всех одно и то же – напряженное и твердое. Ясно, что люди твердо знали,

⁴¹ М.Н. Мосейкина, *Деятельность советских антифашистских комитетов...*, с. 108.

⁴² П.П. Шостаковский, *Путь к правде*, с. 335–336.

зачем они сюда пришли [...] Не было на этом конгрессе ни споров, ни дебатов. Конгресс был, по-видимому, пока чисто формальным актом, и целью его было выбрать новую исполнительную комиссию и пустить в ход работу Славянского союза, остановленную полицейским запрещением⁴³.

Аргентинские власти пристально следили за деятельностью „славян”, положение которых значительно усложнилось после государственного переворота 4 июня 1943 г. К руководству в стране пришли военные, которые закрыли эмигрантские общества, связанные с Компартией Аргентины (КПА), а также некоторые комитеты помощи СССР. Белоэмигрантов это не коснулось, поэтому некоторые арестованные белорусы-коммунисты подозревали их в тайном сотрудничестве с аргентинской полицией. Бывший директор газеты „Эхо” Антон Коршун был арестован 24 мая 1944 г. и в своих воспоминаниях плохо отзывался только о коллегах-белоэмигрантах:

„Кто меня спровоцировал? Не Стапран ли, издатель газеты „Русский в Аргентине”, непримиримый враг Советского Союза? Или же переводчик федеральной полиции Григорьев? Ну, кто больше? А может быть князь Волконский из младоросов, просунувшись по неизвестным мне причинам в газету „Эхо”, где был приглашен редактором Смирновым, который был связан с ним, и был участником в честь первой годовщины газеты „Эхо”? Или же адвокат Петров, которого я исключил из редколлегии за провокационную статью, написанную в газету „Эхо”, где я не смог проверить за неимением времени, доверяя на редактора Смирнова, и статья Петрова послужила как провокация отхода советского парохода „Сахалин”⁴⁴.

Правительство Аргентины под влиянием побед антигитлеровской коалиции вынуждено было менять внутреннюю политику. Разгром Германии в 1945 г. породил новую общественную ситуа-

⁴³ Ibidem, с. 336–337.

⁴⁴ Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. Фонд Антона Коршуна.

цию, и в 1945 г. стали явочным образом восстанавливать свою деятельность как славянские комитеты, так и комитеты помощи СССР. Участие в их работе принимали и те белоэмигранты, которые испытывали гордость за победу Советского Союза, родины, подвергшейся вероломному нападению, выдержавшей долгие годы борьбы и разгромившей смертельного врага.

Авторитет Советского Союза, чья армия победила нацизм и оккупировала половину Западной Европы, среди бывших „оборонцев” был необычайно высок. В некрологе на смерть М. Нечаева (30.10.1945 г.) отмечено: „Михаил Александрович Нечаев так же естественно и просто стал горячим патриотом Советского Союза, как естественно и просто он был горячим русским патриотом. [...] Значение и смысл Революции открывались ему постепенно, но раз поняв, он принял ее целиком, безоговорочно, и Советское знамя стало его знаменем, и Советский гимн стал его гимном: знаменем и гимном его родины. [...] Мы видели, как, побледнев и вытянувшись в струнку, этот офицер старой гвардии пел слова советского гимна и как крупные, не скрываемые от чужих глаз слезы счастья и гордости катились по его щекам”⁴⁵.

Данный некролог был размещен в журнале „Звено”, который выходил в Буэнос-Айресе в июле 1945–августе 1947 гг. Это „общественный, литературно-художественный и научный ежемесячник” белоэмигрантов, оставшихся на просоветских позициях. Журнал ставил перед собой цель донести „всем читающим по-русски правдивую беспристрастную информацию о нашей родине, познакомить их с грандиозной стройкой страны, с ее достижениями и успехами, с ее бытом и культурой, ее планами на будущее и политикой борьбы за мир и за содружество народов. С другой стороны, журнал должен был в какой-то мере содействовать сплочению и единению русских патриотов, проживающих в Аргентине”⁴⁶. „Звено” также

⁴⁵ М.А. Кублицкая, *Русская периодическая печать...*, с. 146.

⁴⁶ Ф. Ширяев, *К вопросу о слиянии журнала „Звено” с газетой „Наш Голос”*, „Звено” 1947, nr 24, с. 4.

обнародовал информацию о деятельности Русского центра помощи Родине (позже реорганизован в Русский культурный центр) и Славянского комитета в Аргентине, размещал публицистические и художественные произведения, в том числе и советских писателей.

Доступный для анализа № 11 „Звена” (май 1946 г.) демонстрирует, каким образом читателям журнала представлялся Советский Союз. В первых двух статьях этого номера показано значение Победы: вклад „нашей родины, Советского Союза, в дело этой священной борьбы, был максимально предельным”, а „первоисточником непобедимости духа этого народа” стала совокупность исторических русских традиций и социалистической структуры государства. Война „явилась для Советского Союза испытанием, утверждением и закреплением всех тех колоссальных социальных, политико-экономических, национальных завоеваний, которые осуществила ленинско-сталинская революция”⁴⁷. Победа укрепила веру советского народа в его вождей, доказала „жизненность и правильность идей, провозглашенных великой Октябрьской революцией, давшей стране социалистический строй, без которого – несмотря на беспримерный героизм советского народа – страна никогда не могла бы выйти победительницей, и, уж во всяком случае, не могла бы выйти из такого страшного испытания окрепшей и спокойно и уверенно смотрящей в будущее”. Победа „закрепила за Советским Союзом этнографические границы на Западе”, в результате чего „последние белорусские и украинские земли, оставшиеся до сих пор еще оторванными, слились, наконец, с матерью-родиной. Одновременно с этим был разрешен и долгий спор с братской Польшей, спор, который был выгоден лишь заклятым врагам Польши и России”⁴⁸.

Тема внешней политики советского государства раскрывается в статье „Почему СССР „не любят””: враждебность западных стран

⁴⁷ Н.С., *К Годовщине Победы*, „Звено” 1946, nr 11, с. 3.

⁴⁸ Н. Светланов, *О значении победы для Советского Союза*, „Звено” 1946, nr 11, с. 5.

объясняется исключительно экономическими причинами. „Россию, правда, они никогда не любили, она для них слишком велика, а с большими странами всегда трудней разговаривать, чем с маленькими, которых куда легче держать в повиновении при помощи долларов”. „Советский Союз не только не позволяет торговать у себя, не только начинает успешно конкурировать на мировых рынках с англо-американскими капиталами, но готов также поддерживать страны со слабо развитой промышленностью...” Враждебность к СССР нельзя объяснить идеологическими разногласиями, ведь англичане „понимают” каннибалов, американцы понимают Чан Кайши (несмотря на разность культур) и Франко (при отличиях политических режимов в США и Испании). Автор статьи иронизирует: „В то же самое время Советский Союз никто не понимает, и „русский сфинкс” является угрозой и для цивилизации, и для демократии, и предметом всеобщего возмущения”⁴⁹.

Учитывая откровенное восхваление Советского Союза на страницах „Звена”, не приходится удивляться тому, что журнал отводил определенное место и для отчетов о чествованиях в Аргентине сотрудников торгового представительства СССР⁵⁰ и советских моряков.⁵¹ Летом 1946 г. Аргентина установила дипломатические отношения с СССР, и „Звено” разместило фото советского посла и информацию о его прибытии в Буэнос-Айрес. Но наибольший резонанс в среде белоэмигрантов получила публикация совместного фото сотрудников Посольства СССР (посла Михаила Сергеева, советника и секретаря) и представителей „русско-белорусско-украинской демократической печати”, среди которых были два журналиста „Звена” и издатель „Русского в Аргентине” Сергей Стабран⁵². Для белоэмигрантов, не ориентированных на СССР, данный факт

⁴⁹ Алтаев, *Почему СССР „не любят”*, „Звено” 1946, nr 11, с. 6–9.

⁵⁰ *Чествование советского торгового представительства*, „Звено” 1946, nr 11, с. 39.

⁵¹ Ф.Ш., *Советские танкеры в Буэнос-Айресе*, „Звено” 1946, nr 8, с. 37–39.

⁵² *Прием представителей печати*, „Звено” 1946, nr 15, с. 38.

стал полным ренегатством тех персонажей, которых когда-то считали „своими”. Самый известный белоэмигрант на фото – С. Стапран – должен был подвергнуться обструкции: „Этот издатель на протяжении последних лет обслуживал своей газетой русскую белую эмиграцию, начиная с самого правого крыла, потом младороссов, нацистов и большевиков [...] Эта газета оказалась позором русской колонии”⁵³. Русские, ангажированные в связи с представителями СССР, стали изгоями не только среди представителей революционной волны переселения – с ними отказывались общаться и русские беженцы, попавшие в Аргентину после Второй мировой войны. Последние покинули родину по причине невозможности жить при Сталине, и в Буэнос-Айресе крайне негативно реагировали на людей, восхвалявших коммунистического тирана.

Просоветские белоэмигранты тесно общались с белорусами и украинцами, с которыми сблизились, и проявили солидарность во время войны. Вместе они посещали советские корабли, заходившие в гавань Буэнос-Айреса, а также приглашали моряков-соотечественников в гости. У реэмигрантки из Аргентины Анны Щербы хранится вырезка из одного номера „Русского в Аргентине”, где рассказывается о чествовании моряков „Сахалина”. В статье сообщается, что 10 марта (вероятно, 1946 г.) в честь моряков в помещении Белорусской библиотеки им Ивана Луцкевича был организован торжественный банкет, на который собралось около 1500 чел. Моряков „Сахалина” во главе с капитаном усадили за стол, за которым собрались представители просоветских организаций, в том числе и газеты „Русский в Аргентине”:

От имени всех вышеупомянутых организаций сказал приветственное слово председатель Белорусской библиотеки им. Луцкевича, Пашкевич, поздравив прибывших моряков и провозгласив тост за Победу и великого вождя советских народов, генералиссимуса Сталина. Скоро банкет, протекавший в дружной и непринужденной

⁵³ М.А. Кублицкая, *Русская периодическая печать...*, с. 145.

беседе, оживился советскими песнями, исполненными балалаечным оркестром и хором библиотеки им. Луцкевича. После него выступал юный скрипач А. Лысый. Затем Верочка Трукшина продекламировала патриотические стихи, написанные А. Ф. Слепец. За ней прочла длинное стихотворение о Второй Отечествен. войне Валя Снитко. Программу закончили балетные номера, исполненные славянским классом балетной студии В. В. Томиной, вызвавшие бурное одобрение присутствовавших.

Связующим звеном между эмигрантами в Аргентине и их далекой родиной стало Посольство СССР: здесь можно было получить литературу на родном языке, посмотреть советские кинофильмы, прочитать газеты, пересылавшиеся из СССР, приобрести материалы для местных печатных изданий. Значимым последствием появления посольства было и то, что эмигранты здесь могли подать документы на получение советского гражданства, что предоставляло возможность вернуться на родину. Однако, в период до смерти Сталина получения разрешений на возвращение были редки: автору этих строк известен единственный случай переезда из Буэнос-Айреса в СССР в 1947 г. российского скульптора Степана Эрзи.

Советские представители использовали эмигрантов, играя на ностальгии и превращая их естественные патриотические чувства в инструмент манипулирования их поведением: говорилось, что в Аргентине они должны доказать, что достойны называться советскими людьми. На практике это значило, что необходимо пропагандировать коммунистические идеи в том государстве, где в настоящий момент проживают. Поскольку в Аргентине политической деятельностью можно заниматься только гражданам страны, активность просоветских эмигрантов приводила к конфликтам с властями.

В Славянском союзе в Аргентине, который официально возглавлял П. Шостаковский, произошел конфликт. Его суть заключалась в том, что, провозглашая себя патриотами и прославляя „Советскую Родину” и Красную Армию, Белорусская библиотека

им. И. Луцкевича, Украинский культурный центр и газета „Русский в Аргентине” были против связей с КПА и распространения ее печатных изданий. Несогласные с генеральной линией утверждали: эмигранты – чужие в Аргентине и не имеют права вмешиваться во внутреннюю политику этой страны. И в 1943 г., и после их преследовали не потому, что они помогали СССР, а потому что поддерживали КПА. Поэтому не нужно вмешиваться в аргентинские дела. Это явление называлось „культурничеством”, „теорией советского гражданства” и „невмешательством”.

Поведение „оппозиции” было расценено как вызов единству, а возмутителей спокойствия исключили из Славянского союза. В газетах просоветских белорусов и украинцев („Наш Голос” и „Світло”) развернулась компания травли тех, кто посмел высказать свое несогласие с руководством. Представители „Русского в Аргентине” не были приглашены на Второй славянский конгресс (Буэнос-Айрес, 1–3 ноября 1946 г.), их невозможно стало встретить на масштабных празднованиях с участием советских дипломатов.

Переломным в жизни белоэмигрантской прессы, ориентированной на СССР, стал 1947 г. Журнал „Звено” прекратил свою деятельность: в присутствии секретаря Посольства СССР Бориса Казанцева совместное собрание представителей Союза белорусских организаций и Русского культурного центра при участии редколлегий журнала „Звено” и газеты „Наш Голос” приняли решение о слиянии обоих органов печати⁵⁴. На практике это означало, что прекращается выход журнала „Звено”, сотрудники которого переходят на работу в „Наш Голос”. В том же году окончила свое существование (по неизвестным причинам) и газета „Русский в Аргентине”. Вероятно, советские дипломаты решили провести оптимизацию работы подконтрольной им русскоязычной прессы: не вызывавший доверия „Русский в Аргентине” был закрыт, а белорусские и лояль-

⁵⁴ Ф. Ширяев, *К вопросу о слиянии журнала „Звено” с газетой „Наш Голос”, „Звено” 1947, nr 24, с. 6.*

ные белоэмигрантские организации объединялись, что позволяло сократить расходы на их содержание. Результатом такой оптимизации стало и то, что в 1947 г. ежегодник „Белорусский иллюстрированный календарь” был также преобразован „Иллюстрированный календарь” („орган русско-белорусской общественности в Аргентине”).

Объединенные русско-белорусские издания просуществовали недолго: 3 июня 1949 г. в соответствии с указом, подписанным президентом Хуаном Пероном, деятельность Славянского союза в Аргентине со всеми его 210 организациями была запрещена. Члены правления Славянского союза были арестованы, прекратился выпуск „Нашего Голоса” и „Иллюстрированного календаря”. В белоэмигрантской среде поспешили откреститься от какой-либо причастности к деятельности „славян”, а П. Шостаковского стали подозревать в том, что он – „коммунистических агитатор”, посланный советским правительством в Южную Америку с документами „настоящего” Шостаковского⁵⁵. Бывшего председателя Славянского союза в Аргентине в полиции фотографировали и неоднократно проверяли – это тот же П. Шостаковский или нет.

Таким образом, в Аргентине некоторые белоэмигранты прошли в своих убеждениях путь от неприятия до прославления сталинизма. Это было вызвано не только их патриотическими чувствами, но и абсолютизацией государства на исторической родине: огромная держава давала повод для гордости, а ее восхваление придавало большего смысла жизни на чужбине. После нападения нацистской Германии на Советский Союз в умах этой части белоэмигрантов произошло ложное отождествление интересов руководства СССР и народов, которые находились под властью коммунистов. Такое отождествление привело русских в Аргентине к сотрудничеству с представителями Кремля, к солидарным действиям с просоветски настроенными белорусами и украинцами. Белоэмигранты получали

⁵⁵ П.П. Шостаковский, *Путь к правде*, с. 352.

информацию из СССР для размещения в газете „Русский в Аргентине” и „Эхо”, участвовали в формально общественных движениях (помощи Советскому Союзу, славянском), что, на практике, подразумевало полное согласие белоэмигрантов с внешней политикой СССР. Указанные общественные движения открыто декларировали солидарность с Советским Союзом, но втайне занимались и распространением коммунистической пропаганды. Участвовавшие в этом белоэмигранты содействовали распространению в Аргентине мифов о справедливом и могучем СССР – государстве, где разрешены социальные и национальные проблемы. Советские представители использовали белоэмигрантов в своих интересах, ангажировали их участием в просоветских мероприятиях. В результате, это привело к разочарованиям и трагедиям: просоветские белоэмигранты в Аргентине оказались изгоями в русской среде, и многие по идеологическим причинам не смогли стать „своими” для советских дипломатов и прокоммунистических белорусов и украинцев.

* * *

Одними из самых активных белоэмигрантов в Аргентине, выступавших на позициях „оборонцев” и проявивших солидарность с СССР во время Второй мировой войны, были П. Шостаковский и Д. Григорьев. Оба возглавляли Славянский комитет, сотрудничали с просоветскими белорусами и украинцами, которые переехали в Аргентину из II Речи Посполитой. В данном приложении представлены воспоминания внука П. Шостаковского – Сергея Кортеса и сына Д. Григорьева – Антония. Записи воспоминаний сделаны в 2010 г. – С. Кортеса в Минске, куда переехала семья Шостаковских в 1955 г., а А. Григорьева в Буэнос-Айресе. Записи бесед произведены в домах интервьюированных, а после распечатки разговора и составления связанного текста каждый автор воспоминаний прочитал свой текст и сделал необходимые с его точки зрения корректировки (уточнения).

Сергей Альбертович Кортес

По происхождению я русский: мои дедушка⁵⁶, бабушка, мама – русские эмигранты, которые переехали в Аргентину после Октябрьской революции в России. Одно время семья жила в Чили, но перед началом войны мы⁵⁷ переехали в Буэнос-Айрес.

После 22 июня 1941 г. русская эмиграция в Аргентине раскололась: одна часть молилась за то, чтобы Гитлер победил в войне, а другая считала, что нужно помогать Советскому Союзу. Самым заметным представителем антисоветской эмиграции был священник Константин Изразцов⁵⁸. В начале войны он написал в аргентинско-немецкой газете статью, где утверждал, что большевики уничтожили церковь, а нацистские войска во всех землях открывают заново церкви. „Лучше быть вассалами Германии, но свободно молиться, чем жить под красной чумой”. И эту позицию занимала часть русской эмиграции.

Наша семья сразу же заняла противоположную позицию: дедушка – Павел Шостаковский – сотрудничал с американским и английским посольствами, предоставлявшими ему материал для статей, которые он подписывал псевдонимом „Полковник «Х»”, „. Затем эти статьи переправлялись в Уругвай, откуда по радио читались на Аргентину. То есть во время этой войны у семьи происходило изме-

⁵⁶ Павел Петрович Шостаковский (1877–1962) – русский белоэмигрант, бежавший с супругой и дочкой Людмилой (будущей матерью С. Кортеса) из Петрограда в 1920 г. Во вт. пол. 1940-х гг. председатель Славянского союза в Аргентине. После переезда в СССР жил в Минске, где вышли его воспоминания „Путь к правде” (1960 г.)

⁵⁷ Семья Шостаковских состояла из семи человек: четверо детей (Женя, Павел, Сергей, Сима), мать – Людмила Кортес и ее родители: мать – Евгения Шостаковская и отчим – Павел Шостаковский.

⁵⁸ Изразцов Константин Гаврилович (1865–1953) – настоятель русской православной общины в Буэнос-Айресе с 1891 г. Основатель и строитель Свято-Троицкого храма на ул. Бразиль в Буэнос-Айресе. До 1917 г. одновременно со священническим служением занимал должность секретаря дипломатического отдела российской миссии в Буэнос-Айресе.

нение отношения к СССР, которому больше сочувствовали. Кончилось это тем, что у дедушки дома на стене висел портрет Сталина. После войны деда выбрали председателем Славянского комитета в Аргентине, потому что он не был коммунистом, но был просоветски настроенным. В Славянском комитете решили, что он достаточно известный человек в литературных и интеллектуальных кругах. И он возглавил Славянский комитет, где вместе были и белорусы, и украинцы, и болгары, и другие – вся славянская группа. Это было объединение не только аргентинских жителей: они были вместе с уругвайцами, парагвайцами и другими. Славянский союз становился влиятельным, что вызывало беспокойство у аргентинской власти. И, когда они что-то праздновали в Лунопарке, их разогнала полиция, а весь Славянский комитет был арестован. Дед, которому было уже за семьдесят, находился под постоянным надзором полиции.

Затем в Буэнос-Айресе образовали культурные клубы украинцев и белорусов⁵⁹. Они, в общем, были вместе, но в каких-то организациях было больше украинцев, а в каких-то больше белорусов. Эти клубы создали при содействии Посольства СССР: объединяли украинцев и белорусов не просто так, это был политический акт. Устраивали на этом пропаганду: чтобы люди держались все вместе и потом вернулись на Родину. Все должны были общаться между собой: там не было свободного общения с аргентинцами. И, когда мы семьей подали заявление о возвращении в Советский Союз, нам в посольстве высказали в том смысле, что нечего сидеть дома и читать книжки, а надо идти в народ, общаться, работать и передавать то, что умеем. И тогда мы пошли в клуб „Максим Горький”, но, правда, он был от нас самый далекий. Там был хор, которому

⁵⁹ После запрещения деятельности Славянского союза в Аргентине и входивших в него организаций (3 июня 1949 г.) в начале 1950-х гг. в Буэнос-Айресе и его пригородах были созданы интернациональные (в основном, украинско-белорусские) клубы советских граждан. Самым крупным из них являлся клуб им. М. Горького (в районе Валентин-Альсина), насчитывавший более 5 тыс. членов.

я аккомпанировал на рояле, моя сестра Сима пела. Там преподавали русский язык, были театральные, танцевальные кружки, где ставились украинские, белорусские песни и танцы. Читали стихи, например, Владимира Маяковского.

Этот период жизни для меня был очень интересным: дома мы были изолированы, у нас не особо поощряли дружбу с аргентинцами. Но, например, мой брат Павел был больше аргентинцем: он оканчивал среднюю школу, у него было много аргентинских друзей. Я же школу не оканчивал, сдавал экзамены экстерном: сдал экзамены за четвертый, пятый, шестой классы вместе, и поскольку по возрасту было рано, то сидел еще два года дома. Потом поступил в среднюю школу, проучился два года, и меня забрали, потому что подали документы на выезд в СССР (в 1948 г.) – мы считали, что вот-вот уедем. А поехали только в 1955 г. В это время я полностью отдался музыке, а потом уже были клубы. Это был мой круг общения: группа студентов по композиции у аргентинского профессора (тоже, кстати, эмигранта из России) и клубы.

И у меня был друг Фернандо Солано, который стал выдающимся аргентинским режиссером. Однажды показывали по Евроньюс, что он получил приз – „Медведя” – на Берлинском кинофестивале. Он жил тогда рядом и приходил учиться у меня гармонии. И, когда я был в Аргентине в 1989 г., то стал искать друга Пино Солано. И я позвонил ему и представился как Кортес, а во времена нашего прежнего знакомства он меня знал как Шостаковского (по деду). И он не сразу догадался, с кем разговаривает, но когда я ему объяснил, то всё прояснилось, и мы с радостью встретились.

В Аргентине очень много диаспор: немецкая, итальянская, еврейская, армянская, арабская и другие. И каждая имеет свои черты и направление своей работы. Аргентину создали иностранцы, от которых для работы требовали только одно – знание языка. Все говорили, коверкая язык (украинцы и белорусы тоже). Например, говорили: „Брось в босуру”. „Босура” – это мусор по-испански, то

есть испанские слова говорили на русский лад. Уже младшее поколение говорило на более чистом испанском.

Наша семья общалась и с сотрудниками Посольства СССР: они были интересными людьми, как будто с другой планеты. Например, секретарем по культуре был Дмитрий Дьяконов. Он гораздо старше меня, но мне, девятнадцатилетнему, с ним было интересно беседовать. А мама и бабушка просто работали в посольстве, преподавали испанский, английский языки. Консулом был Валерьян Гончаров, который позже сказал, что наши документы на выезд лежали в ящике до 1955 г., и спасибо им, что мы не поехали в 1948 г.

Когда в 1953 г. умер Сталин, впечатление было такое, что в советском посольстве стоял гроб. Огромные очереди, и мы, все клубные, дежурили с повязками, охраняли порядок. Но ночью, когда возвращались в клубы, то полиция ловила тех, кто был с повязками, и мы вынуждены были прятаться. Аргентинские власти считали, что так они препятствуют распространению коммунизма. Кстати, клубным советским гражданам было запрещено вступать в партию, а те, кто состоял в компартии, вынуждены были выйти. Это решение провело Посольство СССР, чтобы не было впечатления, что коммунисты руководят этими клубами.⁶⁰ Но тем самым Компартия Аргентины была ослаблена.

В посольстве демонстрировали советские фильмы („Петр I”, „Иван Грозный”, „Кубанские казаки”, „Каменный цветок” и другие), и мы представляли СССР как страну совершенно не похожую на Аргентину. И, когда приехали сюда, у меня было впечатление, что это другая планета. Мы вообще не знали других стран. Перед нашим отъездом в Аргентине был всемирный кинофестиваль, на

⁶⁰ По аргентинским законам иммигранты не имели права участвовать в политической деятельности. Если полиция задерживала иммигранта-коммуниста и узнавала о его советском гражданстве, то появлялись основания для обвинения Москвы во вмешательстве во внутренние дела Аргентины. ЦК КПА принял специальное постановление о необходимости сдать партийные билеты тем лицам, которые приняли советское гражданство. Последнее, однако, не исключало продолжение коммунистической деятельности бывших членов КПА.

который прибыли и артисты из Советского Союза. В это время приехали такие великие исполнители как Давид Ойстрах и Татьяна Николаева⁶¹. А на шахматный турнир приехали советские шахматисты во главе с Ботвинником⁶². Мне посчастливилось быть гидом по Буэнос-Айресу и переводчиком у Татьяны Николаевой, теплое знакомство с которой я поддерживал и в Советском Союзе.

В 1955 г. в Буэнос-Айресе проходила промышленная выставка СССР. В отделе, где представлялись рояли и музыкальные инструменты, я работал переводчиком. Все должности (охраны, переводчиков, дружинников) были заняты членами клубов. В Буэнос-Айресе было много бывших советских граждан, которые переехали в Аргентину после войны, так называемые, „перемещенные лица”. Мы с ними на этой выставке всё время сталкивались. Они приходили и говорили: „Вы что, не понимаете, что там происходит?”; о лагерях говорили. А мы их считали фашистами. У меня есть фотография, на которой на этой выставке я стою рядом с президентом Х. Пероном. А через неделю или две начались антипероновские волнения. Мы даже дежурили ночью на выставке, потому что бомбили: бросали с самолетов бомбы, а выставка была в центре, недалеко от президентского Розового Дома. Вскоре Перона свергли, но мы к тому времени уже уехали в Советский Союз.

Был в Буэнос-Айресе и такой случай: я подошел к телефону, чтобы позвонить домой. И слышу по-русски разговор между двумя прохожими. Они говорят, что завтра пресс-конференция, там будет старик, и „можно будет организовать это дело”. А в это время И. Эренбург⁶³ летел в Чили, чтобы вручить орден Пабло Неруде⁶⁴, и остановился в Буэнос-Айресе. Должна была состояться его

⁶¹ Скрипач Д. Ойстрах и пианистка Т. Николаева побывали в Аргентине в 1954 г.

⁶² Имеется в виду первый советский чемпион мира по шахматам Михаил Ботвинник.

⁶³ Эренбург Илья (1891–1967) – известный советский писатель.

⁶⁴ Пабло Неруда (1904–1973) – чилийский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 1971 г. В 1953 г. получил Международную Сталинскую премию.

пресс-конференция, а эти молодые люди хотели совершить какую-то провокацию или даже убить его. И я оттуда позвонил Дьяконову и по телефону ему все рассказал. Тот ответил: „Спасибо”, – а на завтра отменили эту конференцию.

Среди членов клубов я не замечал сильных различий между белорусами и украинцами. Мне кажется, что члены организаций знали, кто украинец, а кто белорус по языку, на котором общались эти люди. Старшее поколение украинцев говорило на украинском языке, а белорусы – на белорусском, русском языке. Собственно русских эмигрантов (кроме нашей семьи) в клубах я никого не могу вспомнить. Только Елизавету Спиридонову, учительницу русского языка, которая тоже потом переехала в СССР и умерла в Москве. Она единственная, кто в клубах хорошо знал русский язык.

Среди белорусов самым значимым был Трофим Ляшук⁶⁵: он работал с моим дедом в Славянском комитете и в свое время являлся членом Компартии Аргентины. Из-за этого он подвергался репрессиям со стороны аргентинских властей и долгие годы находился в заключении. По приезду в СССР он, по-моему, в первый или во второй год умер от гриппа... Известен был и Антон Драмаzoneк⁶⁶, который очень долго сидел в тюрьме.

В клубах было много и литовцев, и тем из них, кто вернулся в Литву, власти предоставили в Вильнюсе квартиры в одном доме. То есть они жили вместе и друг друга поддерживали. А украинцы

⁶⁵ Трофим Назарович Ляшук (1902–1962) – известный деятель белорусской диаспоры в Аргентине. Член КПА. До 1940 г. являлся секретарем профсоюза работников мясной промышленности в Аргентине. В 1946–1949 гг. главный редактор газеты „Наш голос” и председатель „Союза белорусских культурных организаций”. Арестован аргентинской полицией в 1949 г. С 1954 г. в СССР. Жил в г. Высокое.

⁶⁶ Антон Драмаzoneк (Драмачoneк) (?– после 1967) – известный деятель белорусской диаспоры в Аргентине. Участник профсоюзного движения в Аргентине (входил в руководство профсоюза работников деревообрабатывающей промышленности). Генеральный секретарь Славянского союза в Аргентине в 1946–1949 гг. Арестован аргентинскими властями. С середины 1950-х гг. в СССР (жил на территории УССР в Донбассе).

и белорусы, что было ужасно, должны были вернуться по месту рождения. Представьте, люди жили в громадном Буэнос-Айресе, а должны были вернуться в послевоенную белорусскую или украинскую деревню. Мой знакомый Дмитрий Окулик⁶⁷ рассказывал: у них спрашивали, зачем вы сюда приехали? Голодная деревня, а они с чемоданами, с шубами (хотя переселенцы были небогатыми людьми).

В Аргентине известна была украинская семья Троц: отец сидел в тюрьме (он был тоже в Славянском комитете), а дочка – Мария – была очень просоветски настроена. Мы знали, что она может рассказать в советском посольстве все, о чем говорим. Например, на той выставке нас созвали и стали нарекать, что мы неправильно делаем то-то и то-то. И все знали, что это Мария передала. Когда желавшие переехать в СССР осуществили эту свою мечту, многим не понравилась их новая страна. Ведь для советской пропаганды главное было вывезти, и чтобы во всех газетах было написано, что такая большая реэмиграция. А что дальше будет, никого не интересовало. Многие реэмигранты стали просится назад, и Мария была в числе первых, кто вернулся в Аргентину.

Наша семья воспринимала всё в СССР с пониманием. Было поставлено условие, что местом проживания не может быть Москва и Ленинград; определили нас в Минск. Из увиденного поражало многое: и хорошее, и плохое. Кроме того, нас окружили очень хорошие люди, и взрослые, и молодежь. Студенты приходили посмотреть, как выглядят люди „оттуда”, потому что „оттуда” до этого никого не видели.

Когда я ездил в Аргентину в 1992 г., уже после распада Советского Союза, в клубах сохранялись прежние порядки. Они даже просили у Посольства СССР „разрешения” праздновать 7 Ноября с красными флагами. Посольство сказала: „Пожалуйста, кто Вам мешает?”. У меня была беседа в клубе Максима Горького с привле-

⁶⁷ Дмитрий Юстинович Окулик (1929–1994) – активный участник клуба им. М. Горького. В 1956 г. вместе с родителями переехал в СССР. Преподавал в Институте иностранных языков (г. Минск). В 1991 г. вернулся в Аргентину.

нием. И были горячие споры: один из членов важно говорил с акцентом на испанском языке, что произошла контрреволюция в России, но придет момент, когда народ возьмет опять власть, выйдет на улицу. Я спросил: „Кто мешал Вам уехать туда пятнадцать лет назад, если Вы так считаете? Вам нравилось больше в Аргентине жить, чем там? Почему Вы хотите, отсюда пророча, чтобы у нас снова была резня и междоусобица?“. Мне в ответ: „Так что же мне сейчас делать: я белорус, а моя жена украинка? Так что, нам разводиться надо?“ Я рассмеялся: „Я знаю белоруса женатого на тайванке, но они не разводятся“. Кстати, затем меня пригласили конфиденциально на квартиру, где был совсем другой разговор с людьми, которые понимали, что происходит. Я говорил: „Не забывайте, кто Вы по происхождению“. Мне рассказывали, как старый папа моего собеседника, умирая, говорил: там, под Лидой, сейчас очень дешевые земли, надо там нам купить земли. Он бредил, а сын даже не знает, где эта Лида. Я, когда приехал сюда, говорил в Обществе „Радзіма“,⁶⁸ что не надо посылать рекламу, как здесь хорошо жить. А посылайте больше учебников по истории Беларуси, географии, чтобы они в Аргентине знали, откуда родом. Важно это, а не то, где они живут. Потому что очень много жизней было сломано лживой пропагандой.

24 апреля 2010 г.

Антоний Григорьев

Мой отец – Дмитрий Иванович Григорьев (1889–1965) – был русский офицер, хотя хотел стать юристом. В Петрограде он закончил Михайловское артиллерийское училище, принимал участие

⁶⁸ „Таварыства па культурным сувязям з суайчыннікамі за мяжой «Радзіма»“ – созданная в Минске в 1964 г. организация на базе Белорусской секции комитета за возвращение на Родину. Поддерживала связи с просоветскими эмигрантами-белорусами, проводила среди них пропагандистскую работу. В своей деятельности руководствовалась постановлениями советских союзных и республиканских коммунистических органов.

в Первой мировой войне. Затем он в Михайловском артиллерийском училище преподавал (это уже было, когда в столице наблюдался революционный хаос).

В качестве офицера или специалиста он был послан красными на юг, где заболел, и его положили в лазарет. В боевых действиях он не участвовал: этот лазарет захватили белые, и затем отца вывезли в Константинополь. В Константинополе собралось много русских, работы не было, делать нечего. Это было где-то в 1920 г., и уже тогда отец понял, что назад в Россию пути нет. Как и многие, из Константинополя отец уехал в Берлин. Затем он узнал, что в Праге в Карловом университете открылся русский факультет, где преподавалось русское право. Он решил осуществить свою мечту стать юристом, и в 1924 г. окончил этот университет.

Все это время моя мама находилась в России: она в Саратове преподавала беспризорным (это кошмар). Отец установил контакт с супругой, но надо было найти способ, чтобы она выехала из России. Знакомые врачи придумали болезнь, которую якобы нужно лечить в Швейцарии. Так она покинула Родину, и родители встретились в Праге. А при НЭПе выехала и вся семья мамы – 7 человек.

Я родился в 1924 г. в Праге, но затем семья переехала в Сербию, где мы прожили с 1927 по 1930 г. Мой дядя Сергей к этому времени переехал в Аргентину, где хорошо устроился. Отец в феврале 1930 г. переехал в Буэнос-Айрес, где получил место в электрической компании. А мама со мной приехали в Буэнос-Айрес 17 сентября 1930 г. Жили мы скудно, в одной комнатке. Отец затем работал переводчиком в Отделе по борьбе с коммунизмом,⁶⁹ и там прочел то, что русские белые не читали.⁷⁰

⁶⁹ Sección Especial de Represión del Comunismo – Специальный отдел по борьбе с коммунизмом при аргентинской полиции. В первую очередь боролся с КПА, а также преследовал прокоммунистический Союз украинских и белорусских рабочих организаций (СУБРО), действовавший в Аргентине в п. пол. 1930-х гг.

⁷⁰ П. Шостаковский вспоминал о том, как Д. Григорьев предлагал ему прочитать „Как закалялась сталь” – советскую книгу, взятую в библиотеке полицейского управления.

Русская дворянская колония в Аргентине разделилась на „пораженцев” (те, кто считал, что в предстоящей войне большевицкая Россия лучше бы проиграла) и „оборонцев” (считали, что Россия должна быть единой). Существовала и партия младороссов, которые выдвигали идею о необходимости власти царя при большевицких Советах (младороссы – все „оборонцы”). Из наших газет самой стабильной был „Русский в Аргентине”, который издавал Сергей Иванович Стапран (он – бывший эсер)⁷¹. Предвиделась война, и „Русский в Аргентине” превратился в защитника России.

Когда немцы напали на Россию, я лично выступил в газете с призывом прекратить распри и защищать Родину. У нас были хорошие отношения со священником Константином Изразцовым, и в какой-то газете было напечатано, что будет молебен в православной церкви. Все подумали, что он будет за победу русского оружия. А во время молебна услышали, что „о падении Советской власти”. Не говорили открыто: „За немцев!”, а – „О падении Советской власти”. Во время молебна многие вышли из церкви: я прислуживал священнику и тоже вышел. Кто покинул молебен, собравшись, договорились встретиться в греческой церкви, и после условились, что будем основывать патриаршую церковь.

Во время войны появился Славянский комитет. Я вычитал где-то, что Сталин объединяет славян. Пришел Дмитрий Иванович к Стапрану: вот, что нам надо! Во главе славянского комитета вначале был Юрий Николаевич Волконский, но он отошел. Хотели председателем сделать отца, но он работал когда-то переводчиком в полиции. А в Оливосе жил Павел Шостаковский: ни к кому не ездил, держался в стороне, но в конце войны с Погодиным издавал „Terra rusa” (по-испански). И П. Шостаковский стал во главе Славянского комитета.

⁷¹ П. Шостаковский о Д. Григорьеве говорит как о единственном сотруднике, сумевшем удержаться в „Русском в Аргентине” и помещавшем время от времени там свои статьи.

В то время организовывали белорусские и украинские библиотеки. Например, „Луцкевичи”⁷² собирались по субботам, танцевали, и водку пили. Их клуб находился в районе улицы Галиция – проспекта Сан-Мартин. Это был просторный аргентинский дом – зала, патио, потом еще зала, кухня, комнаты. Там была организована целая артель по пошиву одежды. Коммунистическая партия хотела, чтобы всё, что идет на помощь СССР, должно идти и на пользу партии. Многие с этим были не согласны, и произошел в этих библиотеках раскол⁷³. Он был не формальный, но вполне реальный.

У „Луцкевичей” я преподавал в хоре: пели в основном русские народные песни. В клубе было много и украинцев. Из активных членов клуба можно вспомнить Трукшина – он из Литвы (Труксинас, так правильно звучит фамилия), Казимир Рыжий и Семен Горбашевич (пели „Вниз по матушке, по Волге”). Очень активной была Екатерина Дмитриевна Саливончик: она работала в польском банке (Casa oreki), и содействовала установлению связей этого банка с Советским Союзом.

После войны члены помощи Родине посещали советские корабли, которые заходили в Буэнос-Айрес (помнится, корабль „Тбилиси” („Тифлис”) еще до начала войны заходил). Потом многие отсюда поехали в Советский Союз, но встретили их там сурово...⁷⁴

11 августа 2010 г.

Bibliografia

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. P5826 (Russkiy obshchevoinskiy soyuz (ROVS)) [Государственный архив Российской Федерации. Ф. P5826 (Русский общевоеинский союз (РОВС))].

⁷² Имеется в виду „Белорусская библиотека им. И. Луцкевича”.

⁷³ „Белорусская библиотека им. И. Луцкевича” последовательно выступала против вмешательства в политическую деятельность в Аргентине на стороне КПА.

⁷⁴ Тысячи белорусов и украинцев реэмигрировали из Аргентины на родину в 1956 г., но условия жизни в СССР были намного хуже, чем представлялось переселенцам.

- Con los Ejércitos de Europa, Retorna la Cruz a Rusia, Dice Mons. Izrastoff*, „Deutje la plata zeitung” 1941, 2 de noviembre.
- Primer Congreso Eslavo Latino-Americano*, Buenos Aires 1943.
- Altayev, *Pochemu SSSR „ne ljubiat”*, „Zveno” 1940, nr 11, s. 6–9 [Алтаев, *Почему СССР „не любят”*, „Звено” 1946, nr 11, с. 6–9].
- Belorusskiy gosudarstvennyy arkhiv-muzey literatury i iskusstva. Fond Antona Korshuna [Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. Фонд Антона Коршуна].
- G.P.U. *gromit religiju*, „Russkij w Argientinie” 1938, 15 janwaria, s. 1 [Г.П.У. *громит религию*, „Русский в Аргентине” 1938, 15 января, с. 1].
- Dierzawy, Rossija i emigracya*, „Russkij w Argientinie” 1938, 12 fiewrala, s. 3 [Державы, *Россия и эмиграция*, „Русский в Аргентине” 1938, 12 февраля, с. 3].
- Dnieprov I., *Protiw Sowietow ili protiv Rosii?*, „Russkij w Argientinie” 1940, 10 fiewrala, s. 2 [Днепров И., *Против Советов или против России?*, „Русский в Аргентине” 1940, 10 февраля, с. 2].
- Zaszczyta russkogo jazyka*, „Russkij w Argientinie” 1938, 19 fiewrala, s. 3 [Защита русского языка, „Русский в Аргентине” 1938, 19 февраля, с. 3].
- Impierskij put’ – istoriczeskaja sud’ba Rossii*, „Russkij w Argientinie” 1939, 19 awgusta, s. 2 [Имперский путь – историческая судьба России, „Русский в Аргентине” 1939, 19 августа, с. 2].
- Kak duraczat tiotnych ludiej*, „Russkij w Argientinie” 1939, 19 avgusta, s. 7 [Как дурачат темных людей, „Русский в Аргентине” 1939, 19 августа, с. 7].
- Karrik V., *Rossija i SSSR*, „Russkij w Argientinie” 1938, 19 marta, s. 3 [Каррик В., *Россия и СССР*, „Русский в Аргентине” 1938, 19 марта, с. 3].
- Kostach M., *Nas nie prowadzicie*, „Nowaja Gazieta” 1939, 29 oktiabria, s. 3 [Костах М., *Нас не проведете*, „Новая Газета” 1939, 29 октября, с. 3].
- Kublitskaja M.A., *Russkaja pieriodiczeskaja pieczat’ w XX wiekie*, „Kadietskaya pierieklichka” 2007, nr 78, s. 136–180 [Кублицкая М.А., *Русская периодическая печать в Аргентине в XX веке*, „Кадецкая переключка” 2007, nr 78, с. 136–180].
- M.R., „*Ukrainska Gazeta*” – „*Nevtralna*”, „*Svitlo*” 1946, 11 sichnia, s. 5 [М.Р., „*Українська Газета*” – „*Невтральна*”, „*Світло*” 1946, 11 січня, с. 5].
- Mosiejkina M.N., „*Oboroncy*” i „*porażency*”: *problema nrawstwiennogo wybora russkoj emigracyi w Latinskoj Amierike w gody Wtoroj Mirowoj wojny*, „*Latinskaja Amierika*” 2011, nr 8, s. 69–80 [Мосейкина М.Н., „*Оборонцы*” и „*пораженцы*”: *проблема нравственного выбора русской эмиграции в Латинской Америке в годы Второй мировой войны*, „*Латинская Америка*” 2011, nr 8, с. 69–80].

- Mosiejkina M.N., *Diejatielnost' sowietskich antyfaszystskich komitetow po ukriepieniju solidarnosti I swiaziej s narodami Latinskoj Amieriki v 1941–1956 gg.*, Moskwa 1986 [Мосейкина М.Н., *Деятельность советских антифашистских комитетов по укреплению солидарности и связей с народами Латинской Америки в 1941–1956 гг.*, Москва 1986].
- Mosiejkina M.N., *Pieczat' i izdatielskoje dielo russkoj emigracyi w stranach Latinskoj Amieriki w 1940–1970-e gg.*, „Istoriczeskije, filosofskije, politiczeskije I juridiczeskije nauki, kulturologija i iskusstwowiedienije. Woprosy teoriii i praktiki” 2011, nr 6 (12), ch 2, s. 132–138 [Мосейкина М.Н., *Печать и издательское дело русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1940-1970-е гг.*, „Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики” 2011, nr 6 (12), ч. 2, с. 132–138].
- N.S., *K godowszczinie Pobiedy*, „Zveno” 1946, nr 11, s. 3 [Н.С., *К Годовщине Победы*, „Звено” 1946, nr 11, с. 3].
- Osipow K., *Naszy wielikije priedki*, Buenos Aires 1945 [Осипов К., *Наши великие предки*, Буэнос-Айрес 1945].
- Pawszyje borycy za swobodu*, „Novaya Gazeta” 1939, 29 oktiabria, s. 3 [Павшие борцы за свободу, „Новая Газета” 1939, 29 октября, с. 3].
- Parchevskiy K.K., *W Paragwaj i Argientini*, Parigi 1936 [Парчевский К.К., *В Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки*, Париж 1936].
- Pik M., *Eshcho molchit Rossiya*, „Russkiy v Argientinie” 1938, 2 apriela, s. 2 [Пик М., *Еще молчит Россия*, „Русский в Аргентине” 1938, 2 апреля, с. 2].
- Pismo G.M. Kisielewskiego*, „Nasza strana” 1950, 8 ijula, s. 8 [Письмо Г.М. Киселевского, „Наша страна” 1950, 8 июля, с. 8].
- Prijom priedstawitielej pieczati*, „Zveno” 1946, nr 15, s. 38 [Прием представителей печати, „Звено” 1946, nr 15, с. 38].
- Rudenko A.V., *Obszczestwiennie-politicheskaja i kulturnaja diejatelnost progressivnyh bieloruskich emigrantow w Argientinie (1925–1955 gg.)*, Moskwa 1975 [Руденко А.В., *Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925-1955 гг.)*, Москва 1975].
- Russkij Centr potoszczi roдинie*, „Zveno” 1945, nr 6–7, s. 40. [Русский Центр помощи родине, „Звено” 1945, nr 6–7, с. 40].
- Swietlanow N., *O znaczenii pobiedy dla Sowjetskogo Sojuza*, „Zveno” 1946, nr 11, s. 5 [Светланов Н., *О значении победы для Советского Союза*, „Звено” 1946, nr 11, с. 5].
- Soobszczeniye o dwizenii solidarnosti s SSSR w Argientinie*, Mieždunarodnaja solidarnost' trudiaszczichsia, Moskwa 1962, s. 394 [Сообщение о движении]

- солидарности с СССР в Аргентине*, Международная солидарность трудящихся, Москва 1962, с. 394].
- Szyciewicz R., *Pust', „barabaniat” sami dla siebie*, „Nowaya Gazeta” 1939, 29 oktiabria, s. 3 [Суцевич Р., *Пусть „барабанят” сами для себя*, „Новая Газета” 1939, 29 октября, с. 3].
- Tolmaczowa G., *Russkost'*, „Russkij w Argentynie” 1938, 2 apruela, s. 2 [Толмачева Г., *Русскость*, „Русский в Аргентине” 1938, 2 апреля, с. 2].
- F.SH., *Sowietskije tankiery w Buenos Ajresie*, „Zweno” 1946, nr 8, s. 37–39 [Ф.Ш., *Советские танкеры в Буэнос-Айресе*, „Звено” 1946, nr 8, с. 37–39].
- Czestwowanie sowietskogo torgowogo predstavicielstwa*, „Zveno” 1946, nr 11, s. 39 [Чествование советского торгового представительства, „Звено” 1946, nr 11, с. 39].
- Szabelcau S.V., *Bielarusy u Argientinie: gramadskaja dziejnasc' i reemigracya u SSSR (1930-1960-я gg.) Zbornik dakumentau i uspaminau*, Minsk 2009 [Шабельцаў С.В., *Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930-1960-я гг.) Зборнік дакументаў і ўспамінаў*, Мінск 2009].
- Szirijajew F., *K woprosu o slijanii žurnala „Zwieno” s gazetoi „Nasz Golos”*, „Zwieno” 1947, nr 24, s. 4 [Ширяев Ф., *К вопросу о слиянии журнала „Звено” с газетой „Наш Голос”*, „Звено” 1947, nr 24, с. 4].
- Szyszka B., *Krokodilowy slozu*, „Nowaja Gazieta” 1939, 29 oktiabria, s. 2 [Шишка В., *Крокодиловы слезы*, „Новая Газета” 1939, 29 октября, с. 2].
- Szostakowski P.P. *Put' k prawdie*, Minsk 1960 [Шостаковский П.П. *Путь к правде*, Минск 1960].

**Russian white emigrants in Argentina:
„from monarchy to stalinism” (1930–1940)**

The article reveals the evolution of the views of white émigrés in Argentina to the Soviet Union in 1930–1940. The author describes the characteristic duality of perception of the pre-war USSR, which was caused, on the one hand, by the aversion to the communist regime, and, on the other hand, by a patriotic attitude towards the homeland. The main content of the study is devoted to the period of World War II, when some Russians in Argentina began to collaborate with the USSR agents. The fact of participation in pro-Soviet actions indicated that these white émigrés stood for the foreign policy of the USSR, which was personified by I. Stalin. The article substantiates the idea that Russians in Argentina fell into a position of dependence on the Kremlin, which led to

the fact that the communists exploited them. The author comes to the conclusion that trampling over their ideals led white émigrés to disappointment and tragedy: pro-Soviet white émigrés in Argentina turned out to be outcasts in the Russian environment and, for ideological reasons, many of them could not ingratiate themselves with Soviet diplomats and pro-communist Belarusians and Ukrainians.

Keywords: Russians in Argentina, pro-Soviet organizations in Buenos Aires, World War II, slavic movement, the cult of Stalin's personality, soviet propaganda